

ГЮЛЬМАГОМЕДОВ А. Г.

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В АКТИВИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛЕЗГИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время, когда русский язык стал общепризнанным средством межнационального общения народов СССР и значительно расширились масштабы национально-русского двуязычия [1, 2], особую актуальность приобретает изучение тех изменений и тенденций, которые происходят в развитии самих национальных языков [3, 4]. Уже накоплен определенный опыт описания и исследования результатов влияния русского языка на языки народов нашей страны, разрабатываются методы дальнейшего углубленного изучения различных сторон этой многоаспектной проблемы [5—8]. Имеются и работы, посвященные роли русского языка в жизни народов Дагестана, взаимодействию русского и дагестанских языков [8—11]. Лезгинский язык, являющийся одним из пяти младописьменных дагестанских языков, также испытал на себе благотворное влияние русского языка, что нашло отражение в ряде исследований. Так, например, произведена классификация 1400 лексических единиц, восходящих к русскому языку, по 15 семантическим группам [12]. Распределены на тематические группы дооктябрьские русские заимствования [13]. Предпринята попытка изучить влияние русского языка на развитие фразеологии [14] и синтаксиса лезгинского языка [15].

В данной статье будут изложены предварительные наблюдения над теми процессами, которые происходят на различных уровнях лезгинского литературного языка в ходе его контактирования с русским. Объектом рассмотрения в основном служат письменные тексты современной лезгинской периодической печати.

На лексико-семантическом уровне в лезгинском наблюдаются, с одной стороны, увеличение общего количества лексических единиц, с другой — расширение объема значений исконных единиц.

Количественный прирост лексических единиц происходит главным образом за счет заимствований и калькирования, что уже отмечалось в лингвистической литературе (см., например [12, 14]). Поэтому целесообразно показать роль русизмов в активизации отдельных языковых процессов. В этом отношении весьма характерны некоторые изменения, происходящие в области синонимии лексических единиц лезгинского языка под влиянием русского.

Русизмы (русское слово, заимствованное лезгинским языком, или значение русского слова, переданное лезгинскому слову) в синонимических рядах (СР) лезгинского языка выступают единицами: а) образующими СР, б) обогащающими СР.

Синонимические ряды, образовавшиеся благодаря русизмам, делятся на две группы: а) СР, целиком состоящие из русизмов, б) СР, одним из членов которых является русизм.

Синонимические ряды, целиком состоящие из русизмов, в количественном отношении малочисленны; как правило, эти единицы и в самом русском языке синонимичны: *самолет* — *аэроплан*, *машин* — *автомобиль* в значении «экипаж, приводимый в движение собственным механическим двигателем», *машин* — *автомат* в значении «действующий машинально, автоматически» (в обоих приведенных примерах налицо случаи частичной синонимии), *картуф(-ар)* — *картуш(-ар)* «картофель»¹.

¹ Здесь и далее примеры на употребление синонимов в тексте не приводятся, они имеются в работе [16].

Как видим, приведенные СР и в семантическом, и в материальном отношении — целиком продукт русского языка. В лезгинском имеются СР, семантически принадлежащие русскому языку, а материально оформленные единицами русского и лезгинского языков. Такие СР образуют, как правило, термины той или иной отрасли науки, например, литературоведения: *фольклор* — *халкъдин мецин творчество* (букв. «народа языка творчество») — *халкъдин сивин творчество* (букв. «народа рта творчество») — *халкъдин мецин гуърчег эсерар* (букв. «народа языка красивые произведения»). К этим рядам относятся и те случаи, когда русское слово образует СР вместе с семантической калькой: *герой* — *игит* — *персонаж* в значении «действующее лицо литературного произведения»; *образ* — *суьрет* в значении «созданный художником характер, тип» и др.

Говоря о СР, где один из компонентов — русизм, в первую очередь, необходимо отметить слова-интернационализмы, вошедшие в словарный состав лезгинского языка через русский и употребляющиеся наряду со словами, восходящими к восточным языкам (азербайджанскому, арабскому, персидскому): *революция* — *инкъилаб*, *корреспондент* — *мухбир*, *минута* — *декыкьа* и др.

Вместе с восточными заимствованиями СР образуют и слова исконно русского происхождения: *вождь* — *рггьбер*, *учитель* — *муаллим*, *столица* — *меркез* и др.

О месте компонентов этих СР в лексической системе лезгинского языка трудно говорить сколько-нибудь категорически. Чаще всего сейчас в письменной речи (что поддается анализу и контролю) они используются в стилистических целях, чтобы избежать повтора одного и того же слова в пределах небольшого контекста, если их употребление не объясняется различной стилистической оценкой членов СР разными лицами.

Отдельные лексико-семантические единицы русского языка обогащают имеющиеся СР. Так, например, в лезгинском трехчленный СР *тесниф* — *эсер* — *чГал* со значением «продукт языкового творчества» включает теперь и русизмы *произведений* и *шей* (семантическая калька слова *вещь*).

Таким образом, естественно заключить, что на лексико-семантическом уровне лезгинского языка происходят изменения в парадигматических отношениях единиц.

В некоторых работах иногда звучат отголоски мнения, будто фразеологические единицы (ФЕ) не поддаются переводу на другие языки и непереводаемость является чуть ли не дифференциальным признаком ФЕ. Однако наблюдения над материалом разных языков, в том числе и лезгинского, убеждают нас в ошибочности такой точки зрения. Одним из живых процессов, происходящих в настоящее время в лезгинском языке, является именно обогащение фразеологического фонда языка за счет калькирования русских лексем.

Калькируются ФЕ, служащие обозначениями более или менее новых для лезгинской действительности денотатов: *кГвалахдин гьафте* < *рабочая неделя*, *собрание тухун* < *вести собрание*, *кЪелемдин стха* < *собрат по перу*.

Некоторые фразеологические кальки восходят к русским лексическим единицам: *руководство гун* < *руководить*, *чехирардай завод* < *винзавод*, *жува жуваз чирвилер кЪачун* < *самообразование*.

Полностью калькируются ФЕ в тех случаях, когда в лексической системе лезгинского имеются слова, эквивалентные компонентам ФЕ русского языка. Сохранение в составе калькированного фразеологизма русской лексической единицы объясняется, как правило, отсутствием в лексической системе лезгинского языка соответствующего эквивалента.

В письменных текстах широко калькируются пословицы и поговорки, а также компаративные ФЕ с прозрачной мотивировкой: *Жуван перем жуваз мукьва я* < *Своя рубаха ближе к телу*; *ЦГай авачир чкада гумни жедач* < *Без огня дыма не бывает*; *Дергес кЪванцел расалмиш хъана* < *Нашла коса на камень*.

В результате калькирования из русского языка в лезгинский проникают и интернациональные ФЕ: *ахиллесова пята* — *ахиллесан дабан*, *сиам-*

ские близнецы — *сиамдин късетхверар*, в здоровом теле — *здоровый дух* — *сагъ беденда* — *сагъ ругъни жеда*².

Интересные явления наблюдаются в области словообразования. Возникают и активизируются новые словообразовательные суффиксы. Они присоединяются к заимствованным свободным основам, в результате чего становится активной словообразовательная модель глагольных единиц «существительное + *-ламишун*»: *концентрат* + *ламишун* → *концентратламишун* «концентрировать»; *пар* + *ламишун* → *парламишун* «паровать»; *парк* + *ламишун* → *паркламишун* «парковать»; *план* + *ламишун* → *планламишун* «планировать».

В приведенных примерах новым суффиксом является фонетический комплекс *-ламишун*, обнаруживающий мнимое совпадение с последними слогами таких глаголов, как *гуьзламишун* «ожидать», *багъишламишун* «прощать, извинять» и т.д. О мнимом совпадении мы говорим потому, что глаголы *гуьзламишун*, *багъишламишун*, как справедливо отмечают, произведены от заимствованных основ (в лезгинском языке лексико-грамматически не оформленных) прибавлением вспомогательного глагола *авун* (*ун*): *гуьзламиш* + *авун* (*ун*), тогда как приведенные выше глаголы мотивируются через заимствованные и широко употребляемые имена существительные *концентрат*, *пар*, *план* и т.д.

Разновременное заимствование лезгинским языком непроемных слов и производных от них в русском языке единиц дает возможность, с одной стороны, соотносить их как производные и производящие и в лезгинском, а это, в свою очередь, приводит не только к увеличению количества словообразовательных морфем, но и активизирует сам процесс производства слов с помощью суффиксов. Например: *трактор* — *тракторист*; *мотоцикл* — *мотоциклист*; *бульдозер* — *бульдозерист*; *машин(а)* — *машинист*.

В этих лексемах нельзя не выделить морфемы *-ист*, тем более что основы с этим суффиксом сами становятся производящими, но для единиц другой семантической модели. От производных³ существительных со значением лица (*бульдозерист*, *тракторист*) с помощью исконного суф.-вал образуются существительные абстрактной семантики: *бульдозериствал* букв. «бульдозеристчество», *мотоциклиствал* букв. «мотоциклистчество», *тракториствал* букв. «трактористчество», *машиниствал* «машинистчество».

К числу материальных единиц, выделяемых в составе заимствованных слов лезгинского языка, следует причислять и такие морфемы, как: *-овщик*: *кран* «кран» → *крановщик* «крановщик» → *крановщиквал* букв. «крановщичество»; *-ник*: *школа* «школа»; → *школьник* «школьник» → → *школьниквал* букв. «школьничество»; *-ск-*: *учитель* «учитель» → *учительница* «учительница», *учительский* «учительская», *учителвал* «учительство».

Хотя указанные суффиксы пока не присоединяются к лезгинским словам, их следует выделять для установления морфемного состава анализируемых слов: они «соотносятся с двумя рядами слов: 1) включающих ту же основу (или тот же корень), 2) включающих те же аффиксы (или тот же аффикс)» [18]. Быть может, в данном случае следует говорить не о словообразовательном уровне, а о морфологическом, ибо: «если искомой величиной морфологического анализа являются морфемы, из которых складывается слово, то искомой величиной словообразовательного анализа — основы и деривационные аффиксы» [19]. В приведенных случаях нельзя не видеть движения в морфемной структуре слова, и, более того, нельзя игнорировать и словообразовательную мотивацию не только в русском языке, но и в лезгинском: «1) оба слова имеют один и тот же корень; 2) значение одного из слов... полностью входит в значение другого...» [20].

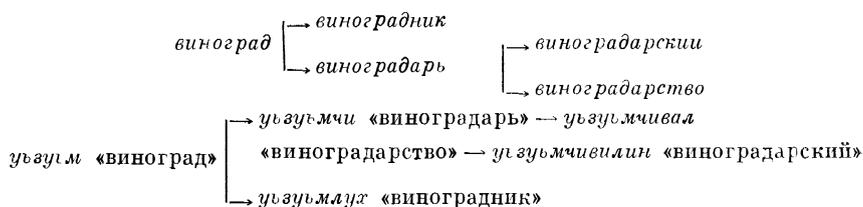
В данном случае мы имеем то же самое явление, которое наблюдается в английском языке: «...массовое заимствование французских слов, воз-

² См. более подробно о калькировании [17].

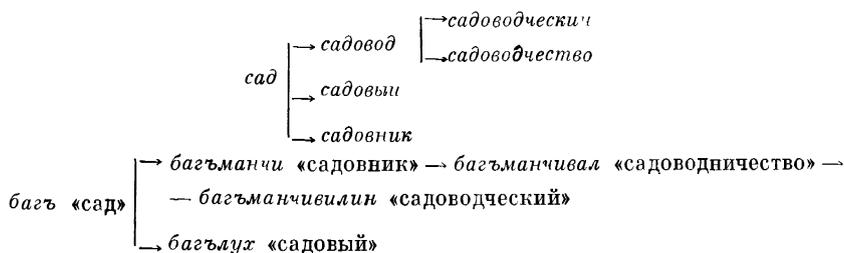
никшее в результате завоевания Англии норманнами, привело к тому, что слова заимствовались не отдельными единицами, а целыми этимологическими гнездами, целыми структурными словообразовательными рядами. Это помогло морфологическому расчленению заимствованных слов и выделению аффиксов (разрядка наша.— Г. А.), которые стали продуктивными в английском языке, что не могло не сказаться на качестве языка, поскольку система современного английского аффиксального словообразования в значительной мере определена функционированием романских по происхождению элементов [21].

Высокая продуктивность суффиксального способа словообразования в русском языке приводит в движение и потенциальные возможности лезгинского словообразования. Так, например, необходимость передачи в лезгинском языке таких понятий, как «виноградарь», «виноградарство», «виноградарский», «виноградник», привела к образованию единиц *уьзүмчи*, *уьзүмчивал*, *уьзүмчивилин*, *уьзүммух*.

При этом важно отметить, что отношения между производными и производящими в русском и лезгинском языках различны:

Ср. еще:

Характеристику изменений в области словообразования можно завершить словами Л. И. Жиркова: «Все эти внесения новых формальных элементов обогащают лезгинскую морфологию (т. е. словообразование.— Г. А.), делают ее более гибкой, более способной выражать все точные и тонкие оттенки мысли, которые требуются в развитой научной и художественной литературной речи» [22].

В современных младописьменных языках, наряду с такими общими для всех языков функциями, как коммуникативная, кумулятивная и директивная, по-видимому, можно говорить о появлении еще одной «коммуникативно-созидательной». Так, в сфере синтаксиса наблюдается: а) количественный рост новых номинативных единиц, являющихся обозначениями новых денотатов; б) возникновение новых структурных отношений между компонентами номинативных единиц; в) количественный рост новых типов предикативных единиц.

Новые синтаксические единицы (т. е. словосочетания) материально выражаются: а) единицами русского языка, б) материалом лезгинского языка, комбинацией материала русского и лезгинского языков.

К словосочетаниям, выраженным материалом русского языка, относятся: *международный революционный организация* «международная революционная организация», *программный документ* «программный документ», *гражданский общество* «гражданское общество» и др.

Словосочетания, передаваемые материалом лезгинского языка: *чешнелу низам* «образцовый порядок», *тварцин магъсулар* «зерновые культу-

ры», *виниз тир тешкиллувал* «высокая организованность», *кIвалахдин нетижаяр* «результаты работы» и т. д.

В качестве примеров единиц, представляющих собой комбинации материала русского и лезгинского языков, можно привести: *социализмдин законар* «социалистические законы», *политический агъавал* «политическое господство», *яратмишдай инициатива* «творческая инициатива», *реакциядин девир* «период реакции» и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что: 1) под влиянием синтаксических единиц русского языка в лезгинском формируется определенный фонд свободных словосочетаний; 2) компоненты русского происхождения функционируют в составе словосочетаний, восходящих к русскому языку. Другими словами: синтагматический, парадигматический, денотативный статус определительных слов *программный, гражданский, социальный, политический* в вышеприведенных словосочетаниях и таких ранних заимствованиях, как *перо, карандаш, тетрадь*, не может быть одинаковым.

Нельзя ставить знак равенства между отношениями компонентов приводимых нами выше словосочетаний и таких исконных лезгинских словосочетаний, как *гъвечли куткун* «маленькая плетенка», *гуьтIуь куьлуьт* «узкий чулок» и др. Первые словосочетания пришли в лезгинский язык сложившимися, а вторые — формировались на почве лезгинского языка. Синтаксис русского языка в данном случае является не только поставщиком «строительных блоков», но и предлагает связи между их деталями. А это выражается в расширении сочетательных возможностей лексических единиц лезгинского, соотносительных с единицами русского языка. Так, например, слово *кIвенкIвечи* «передовой» само является советизмом в лезгинском языке и сочеталось до недавнего времени с существительным конкретной семантики лица. В текстах последнего времени оно встречается и с существительным абстрактного значения *тежриба* «опыт»: *кIвенкIвечи тежриба* «передовой опыт».

В результате калькирования некоторых синтаксических единиц увеличивается протяженность русских словосочетаний в лезгинском языке. Например, как видим, следующие многокомпонентные словосочетания *майишаддин товарар маса гудай магазин* «промтоварный магазин», *разивал ийиз тежедай гъал* «неудовлетворительное состояние», *гъар йикъан гуьзчивал* «повседневный контроль», *зегъметдин бур тушир доходар* «нетрудовые доходы» и др. восходят к двухкомпонентным единицам русского языка. Попутно отметим, что «протяженность» подобных единиц создается вследствие вербального перевода сложной морфемной структуры определительного компонента.

Как новый процесс в области синтаксиса лезгинского языка следует квалифицировать активизацию именных конструкций с зависимым компонентом, выраженным падежной формой масдара (по терминологии М. М. Гаджиева, «масдарных конструкций» [23, с. 77]) вместо именных конструкций с зависимым компонентом, выраженным причастным или деепричастным компонентом. Так, например, *алафдалди таъмин тавуниш нетижа* (букв. «сеном обеспечения непроизведения результат»), «результат необеспеченности сеном») вм. *алафдалди таъмин тавурвилай хъайи нетижа* (букв. «сеном обеспечение из-за непроизведения получившийся результат»), *сар къачунин мажбурнама* (букв. «шерсти получения обязательство», «обязательство по производству получения шерсти») вм. *сар къачун патал къунвай мажбурнама* («шерсти получения для взятое обязательство») и др.

Наличие в письменных текстах именных конструкций М. М. Гаджиев называл двадцать лет назад «неуместным употреблением», «редким употреблением» [23, с. 77—78], но ныне активность этих конструкций в газетной речи столь высока, что целые абзацы состоят из именных словосочетаний, выступающих в функции темы предложения. Предпочтительное употребление этих конструкций в газете, по-видимому, объясняется семантической и синтаксической сжатостью масдарных конструкций по сравнению с адъективными или глагольными конструкциями.

Количественный рост предикативных единиц выражается в широком распространении на страницах газеты некоторых типов предложений. В первую очередь следует назвать конструкции простых предложений с отсутствующим глагольным компонентом-сказуемым. В предложениях этого типа подлежащее или группа подлежащего и сказуемое или группа сказуемого соединяются между собой интонацией, а на письме — знаком тире: *Лагерар — кардик* «Лагеря — в эксплуатации» (Коммунист, 1981, 24 июня), *Гатфарин культурайриз — чешнелу гелкъуьн* «Весенним культурам — образцовый уход» (Коммунист, 1981, 28 июня), *Идеологиядин кIвалахдиз — артух фикир* «Идеологической работе — больше внимания» (Коммунист, 1981, 24 июня), *Собранийриз — тешиллувал* «Собраниям — организованность» (Коммунист, 1981, 2 окт.), *План — вахтундилай вилик* «План — раньше срока» (Коммунист, 1981, 7 июня) и др.

Активизацию этого типа предложений в газетно-публицистическом стиле отмечают в настоящее время и исследователи адыгейского языка [24].

Другим типом активизирующихся синтаксических предикативных единиц в лезгинском языке являются конструкции, соединенные между собой интонацией (двоеточием в газетном тексте). Первая часть в таких предложениях является тем(атическ)ой, вторая — рем(атическ)ой: *Карл Маркс: уьмуьрдин ва женгинин йисар* «Карл Маркс: годы жизни и борьбы» (Коммунист, 1983, 6 февр.); *«Дон-1500: чуьллера ахтармишунри вуч къалурна?» «Дон-1500»: что показывали испытания в степях?»* (Коммунист, 1983, 9 февр.); *Хуьрера алишверин: агалкъунар ва жележегдин мумкинвилер* «Торговля на селе: достижения и возможности в будущем» (Коммунист, 1981, 24 июня).

При синтаксическом анализе текста этих конструкций правильнее будет назвать их эллиптическими предложениями, как это делают отдельные исследователи русского языка [25].

В основе лезгинской орфографии лежит фонетический принцип, ср. *хѳб* «овца», но *хпер* «овцы», *кIанивал* «любовь», но *кIанивили* «любви» (род. п.) и др. Однако же русские заимствования в лезгинском тексте пишутся по нормам русской орфографии [26] — *карандаш*, *пальто*, *винтовка*, *закон*, *форма* и др., хотя они произносятся [крандаш], [палту], [винтуфка], [закун], [фурма]. Следовательно, в данном случае можно говорить не столько о возникновении какого-то фонетического процесса, сколько об оформлении русских заимствований и в лезгинском языке по нормам русской орфографии, — т. е. мы имеем дело не с явлениями фонетики, а с особенностями орфографии двух языков. С этой точки зрения нам трудно согласиться с мнением, будто «под непосредственным влиянием русского языка в современном лезгинском литературном языке представлены не характерные для его системы различные комплексы согласных» [27, с. 23]. В подтверждение этого приводятся комплексы графем *-нтств-* (в середине слова), *-рд* (в конце слова), произношение которых и в самом русском языке не соответствует звукобуквенному изображению.

В передаче русских слов в лезгинском тексте по нормам русской орфографии следует видеть сближение письменных характеристик русского и лезгинского языков.

Влияние русской орфографии проявляется не только в оформлении поздних заимствований по правилам русского правописания. Если сопоставить «Свод орфографических правил лезгинского языка» с «Правилами русской орфографии», то нетрудно заметить, что многие пункты свода правил лезгинской орфографии сформулированы под влиянием русского языка.

Как видно из изложенного, русский язык оказывает весьма плодотворное влияние на всю структуру младописьменного литературного лезгинского языка: он способствует возникновению инноваций и ускоряет протекание некоторых процессов в развитии языка. Разумеется, глубина и объем этого влияния зависят от множества факторов. Наиболее существенными из них мы считаем: 1) интенсивность контактов русского и лезгинского языков; 2) престижность русского языка как языка межнацио-

нального общения народов СССР, как второго родного языка (по данным переписи 1979 г., из 188 804 лезгин, проживающих на территории ДАССР, 1922 назвали своим родным языком русский, а 121 486 свободно владеют русским языком [28]); 3) ориентация литературного лезгинского языка на русский как на источник обогащения и развития своих ресурсов; 4) современный курс языкового строительства, основанный на объективных законах развития социалистического общества в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977.
2. Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976.
3. *Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития литературных языков в советскую эпоху. Основные процессы внутривидового развития иранских и иберийско-кавказских языков. М., 1969.
4. *Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф.* Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968.
5. *Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Развитие общественных функций литературных языков. М., 1976.
6. *Дешериев Ю. Д.* Введение.— В кн.: Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976.
7. *Илишкин И. К.* Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования калмыцко-русского двуязычия. Элиста, 1972.
8. Могучий фактор национально-языкового развития. Фрунзе, 1981.
9. *Гайдаров Р. И.* Взаимодействие русского и национальных языков в Дагестанской АССР.— В кн.: Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР. М., 1979.
10. *Гаджиев А.* Великий русский язык — средство межнационального общения и приобщения народов Дагестана к достижениям научно-технической революции. Махачкала, 1981.
11. *Гамзатов Г. Г.* Вопросы двуязычия в Дагестане.— ИАН СЛЯ, 1983, № 3.
12. *Гайдаров Р. И.* Лексика лезгинского языка. (Основные пути развития и обогащения). Спецкурс. Махачкала, 1966, с. 198—205.
13. *Рамалданов А. Р.* Русские заимствования в лезгинском языке в дооктябрьский период: Тезисы докладов региональной научной конференции «Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитие их литературных языков». 12-14 сентября 1982 г. Грозный, 1982, с. 45—46.
14. *Гюльмагомедов А. Г.* Лезгинско-русское двуязычие и развитие фразеологии лезгинского языка.— В кн.: Становление и развитие двуязычия в нерусских школах. Л., 1981.
15. *Магомедов Г. И.* Влияние русского языка на развитие синтаксиса лезгинского языка (на уровне словосочетания): Тезисы докладов региональной научной конференции «Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитие их литературных языков», с. 44—45.
16. *Гюльмагомедов А. Г.* Краткий словарь синонимов лезгинского языка. Махачкала, 1982.
17. *Гюльмагомедов А. Г.* Основы фразеологии лезгинского языка. Махачкала, 1978, с. 119—127.
18. *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 11.
19. *Кубрякова Е. С.* Что такое словообразование. М., 1965, с. 29—30.
20. *Улукханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977, с. 7.
21. *Ярцева В. Н.* О методах анализа языка.— В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964, с. 122.
22. *Жирков Л. И.* Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941, с. 120.
23. *Гаджиев М. М.* Синтаксис лезгинского языка. Часть II. Сложное предложение. Махачкала, 1963.
24. *Тхаркаго Ю. А.* Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. Майкоп, 1982, с. 65.
25. *Розенталь Д. Э.* Наблюдения над синтаксисом языка газеты.— В кн.: Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. М., 1980, с. 55.
26. *Гаджиев М. М., Гайдаров Р. И., Мейланова У. А.* Орфографический словарь лезгинского языка. Махачкала, 1979, с. 118 и сл.
27. *Яралиев М. М.* Русский язык и некоторые вопросы консонантизма лезгинского языка: Тезисы докладов региональной научной конференции «Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитие их литературных языков».
28. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984, с. 76—77.